

М. М. МАКОВСКИЙ

ЭКСТРАПОЛЯЦИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Светлой памяти академика В. В. Виноградова

I. Изучение словарного состава языка методами структурной лингвистики знаменовало коренной перелом в понимании природы и сущности лексико-семантических систем как в статике, так и в динамике. Такое исследование необычайно расширило горизонты и возможности изучения этого наиболее «стойкого» к анализу и трудно поддающегося систематизации языкового уровня, о закономерностях и особенностях которого до сих пор реально известно очень немного¹.

Однако при всей плодотворности и несомненной важности структурного подхода в области лексики и семантики нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что при таком исследовании в настоящее время неизменно остается целый ряд противоречий, которые, как это ни парадоксально, многие лингвисты склонны обходить молчанием или вовсе игнорировать. Отметим, прежде всего, что системность в лексике изучается, как правило, в направлении от семантики к форме, к лексемам: любая системность слов связывается главным образом с общностью смысла, откуда обычно делаются выводы уже и о системности самих лексем (носителей смысла). Хотя такой анализ практически легче осуществить, чем анализ в обратном направлении (непосредственно от системности лексем к системности смысла), именно этот последний вид исследования, видимо, может действительно приблизить нас к пониманию сущности и функционального своеобразия структурирования на лексико-семантическом уровне, ибо только такой анализ предполагает изучение устойчивых и прочных языковых связей, а не исследование объектов, поддающихся различным субъективным интерпретациям исследователя.

Отдельные лингвисты вкладывают совершенно различное содержание в само понятие системности². Достаточно сослаться, с одной стороны, на слишком упрощенное понимание системы в плане бинаризма и, с другой стороны, на чрезмерно усложненное ее рассмотрение в плане математической теории множеств или теории графов. Лингвисты, постулирующие определенный вид системности, обычно не обращают внимания на другие ее трактовки и не занимаются вопросом о том, как постулируемый

¹ См.: Y. Lebrun, Het begrip structur in de taalwetenschap, «Tijdschrift van de Vrije Universiteit van Brussel», 1962—1963; A. Heinz, Zur Struktur des Sprachsystems, «Symbolae linguisticae in honorem G. Kurylowicz», Wrocław, 1965; E. Hoffman, Systematik in der Sprache und ihre Grenze, «Studium Generale», X, 2, 1957.

² Ср.: Г. С. Щур, О терминах «поле» и «система» в лингвистике, «General linguistics» 7, 2, 1967; е го же, On the relations among some categories in linguistics, «General systems», XI, 1966; е го же, On the principle of interaction of structure and system in language, «Annali di Istituto Orientale di Napoli», 8, Roma, 1967; е го же, О функциональных и инвариантных группах в языке, «Уч. зап. [Томск. пед. ин-та]», 1967; е го же, О соотношении системы и поля в языке, «Доклады советской делегации на X Международном съезде лингвистов в Бухаресте, 1967», М., 1967.

ими вид системности согласуется с другими ее пониманиями. Вполне понятно, что если в языке действительно существуют различные по сложности типы систем или несколько изоморфных подсистем одного уровня, то необходимо строго ограничить место и обязательность каждой из них, а также соотносимость их друг с другом и возможности их взаимной трансформации. Если же окажется, что для изучаемого языка должен быть специфичен лишь один определенный тип лексико-семантической системы большей или меньшей сложности, то это следует обосновать на широком языковом материале и впредь исходить из допущения о существовании в данном языке на определенном временном срезе только такого типа системы и невозможности наличия каких-либо других. Вообще нельзя не принимать во внимание тот факт, что не только количественно, но и качественно системность различных объектов неодинакова: известно, что сущность и свойства системы, например, в химии часто не совпадают с особенностями системности в физике, математике или в биологии. Более того, даже в пределах одной и той же области знаний часто наблюдаются различные виды системности в зависимости от внутренней природы объекта и от возможных способов его рассмотрения в ряду связанных с ним более мелких или более крупных структур, в зависимости от того положения, которое этот объект занимает в общей сетке исследуемых явлений³.

Нельзя не считаться с тем обстоятельством, что при установлении системности или несистемности каких-либо явлений на основе чисто внешних показателей существует большой риск впасть в ошибку: без выявления характера, количества и качества одновременно сосуществующих подсистем (или их отсутствия) нельзя утверждать, что перед нами действительно система, и уж никак нельзя судить о свойствах выделенной совокупности элементов⁴. При этом совершенно неоправданно отождествление понятия связей и отношений, системы и структуры: отношения могут существовать между объектами, не входящими в данную систему, а структура не обязательно характеризуется связями. Сущность связанных объектов может быть неодинакова, а относиться друг к другу могут элементы, принадлежащие различным системам⁵.

Таким образом, совершенно неправомерно, ограничиваясь чисто описательной и внешней констатацией более или менее компактной таксо-

³ См.: P. Z i n k e r n a g e l, General rules of language, «Theoria», 25, 1, Lund — Copenhagen, 1959.

⁴ См.: W. N e u m a n n, Über die Dialektik sprachlicher Strukturen, «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», Berlin, 1969, 2; G. B. K e e n e, Relations and quasi-relations, «Analysis», Oxford, 1964, 24, 2.

⁵ Примером могут явиться последние исследования в области так называемой топологии лексики и семантики, представленные недавними работами В. Пучке (W. P u t s c h k e, Über eine Aufschichtung von Sach- und Nennstrukturat zu einem worttopologischen Darstellungsmodell, «Proceedings of the X International congress of linguists», Bucharest, 1968; е г о ж е, Worttopologische Untersuchungen im Sach- und Nennstrukturat der Landfahrzeuge, Marburg, 1968). Рассматривая территориальную и временную вариантность и корреляцию лексических и соответствующих им семантических комплексов, автор строит имманентную систему абсолютных отношений, которые, по его мнению, не поддаются никаким изменениям под влиянием внешних и внутренних факторов. На примере работы В. Пучке можно видеть, как некоторые исследователи (очевидно, бессознательно для себя) в качестве систем нередко рассматривают те же атомарные и изолированные объекты, против изучения которых они сами выступают и против которых собственно направлены их исследования. В самом деле, чрезмерно абсолютизируя связи между элементами узкого отрезка языковой реальности, наиболее доступной наблюдению, некоторые ученые считают возможным говорить о системе даже в том случае, когда в действительности речь идет об описании одних лингвистических общностей в отрыве от всех остальных, сосуществующих в языке, или же когда анализируется внутренняя структура лишь одного элемента языка. См. об этом: Y. I k e g a m i, Field theory and stratificational grammar, «Proceedings of the X International congress of linguists».

номии языковых элементов, заключать об их системности в языке. Такая «системность» при ближайшем рассмотрении нередко оказывается мнимой, кажущейся. Прежде чем делать какие-либо определенные выводы о системности, важно обратить внимание на следующие проблемы: 1) с каким именно видом системности мы имеем дело и чем обусловлено на данном синхронном срезе изучаемого языка наличие именно этого вида системности; 2) какие виды языковых подсистем неизбежны (и в какой иерархии) при допущении существования данной разновидности подсистем и какие невозможны (на этой основе следует отделить структуры, действительно присущие языковой ткани, и структуры, возникшие благодаря умозрительным и субъективным построениям отдельных лингвистов); 3) каким образом наличие одних языковых подгрупп отражается на других (почему, например, в одних случаях одной семеме соответствуют несколько лексем, а в других, наоборот, одной лексеме соответствуют несколько семем) и каковы возможности и результаты трансформации одних видов подсистем в другие; 4) являются ли выделенные языковые подсистемы конечными, независимыми от других, или неконечными, зависимыми.

Таким образом, становится вполне очевидной необходимость разработки особой области лингвистической систематики — лексико-семантической экстраполяции, т. е. выяснения возможностей на основе определенных заданных или представленных звеньев системы делать выводы о характере и свойствах других ее звеньев и измерений, а также предсказывать пути развития системы и ее внутренние преобразования в связи с тем или иным развитием⁶.

Лингвистическая экстраполяция предполагает, в частности, исследование конфигурации и иерархического расположения по отношению друг к другу отдельных континуумов в пределах лексико-семантического пространства, анализ количества «измерений» каждой подсистемы, возможностей из комбинаторики, соприкосновения или соседства с другими подсистемами. В задачи экстраполяции входит также определение изоморфности или алломорфности лексико-семантических систем, сопряженности или несопряженности их, условий их различных позиций, пересечения и отражения на другие плоскости в рамках того же языкового пространства (linguistic universe), выявление различных структурных возможностей построения отдельных лексико-семантических рядов, а также причин и возможностей одновременного существования рядов с одинаковой или различной структурой. Таким образом, при экстраполяции мы имеем дело в конечном итоге с детальным изучением того естественного языкового рисунка, который складывается из отдельных подсистем, структурируемых языковым полем и, с другой стороны, с анализом свойств самого поля, в свою очередь структурируемого данной внутренней архитектурой и взаимной ориентацией отдельных лексико-семантических подсистем.

В настоящей работе делается попытка выяснить некоторые исходные понятия лексико-семантической экстраполяции и рассмотреть в связи

⁶ Идея лингвистической экстраполяции была обоснована Э. А. Макаевым (См.: Э. А. Макаев, Реконструкция индоевропейского этимона, ВЯ, 1967, 4). Э. А. Макаев определяет цели экстраполяции как выяснение вопроса о том, «в какой мере на основании эмпирических данных величин одной области и отношений между ними можно заключить о постулируемых величинах и постулируемых отношениях между ними в других областях» (там же, стр. 29). В последнее время делаются неоднократные попытки экстраполяции элементов одного языкового уровня на основе элементов и отношений другого уровня (можно указать, например, на исследование семантики по данным синтаксиса в работах Ю. Д. Апресяна, К. Бирвиша и др.). См. также: J. Kuryłowicz, Extrapolation d'une loi linguistique, BSLP, 63, I, 1968; R. E. Johansson, Fonetisk-semantisk isomorfism, «Årsbok, 1953—1954 (Slaviska inst. Lund)», 1958. В настоящей работе экстраполяция понимается и как определенный языковой процесс, и как метод исследования языковых явлений.

с этим некоторые закономерности и правила, непосредственно вытекающие из теории лексической аттракции.

II. При сопоставлении близкородственных языков и диалектов, обнаруживающих одинаковые или сходные лексико-семантические наборы, бросается в глаза следующая интересная особенность. На разных этапах развития языка или в его различных территориальных преломлениях объем манифестируемых лексико-семантических рядов может уменьшаться или увеличиваться. Иногда лексико-семантический набор полностью или частично реализуется на одном временном срезе или в рамках определенной территории, но вовсе не реализуется в рамках другой территории или на другом временном срезе, хотя при последующем развитии языка нередко можно констатировать повторную манифестацию того же лексико-семантического набора именно в том ареале, где он ранее отсутствовал⁷. С другой стороны, в пределах одного и того же набора при различных его временных и территориальных реализациях может повторяться ряд слов, налицествовавших на других временных срезах и в других ареалах, но он может и отсутствовать при наличии целого ряда лексем, ранее не засвидетельствованных в этом наборе⁸.

Указанные факты наводят на мысль о том, что одновременно и наряду с процессами аттракции, формирующими и цементирующими словарные «массивы», в языке существуют особые процессы отображения (рефлексации) этих словарных массивов, в значительной мере определяющие возможности и результаты реализации отдельных лексико-семантических рядов. В свою очередь условия возникновения разного рода сил отражения, видимо, неразрывно связаны с конфигурацией и внутренним механизмом как того ряда, где они возникают, так и того набора, на который они проецируются⁹. Таким образом, отражение — это один из важнейших способов существования и развития лексико-семантических рядов.

Каждый лексико-семантический набор, если он является живым и релевантным для данной макросистемы, должен отражаться и отображаться в пределах составляющих эту систему микронаборов, так что каждый ряд обычно одновременно является источником одних отражений и конечным пунктом других (естественно, что свойства отдельных элементов, входящих в систему, вполне отражают свойства тех рядов, частью которых они являются; наоборот, свойства отдельных рядов соответствуют свойствам входящих в них элементов). Вполне понятно, что характер и механизм сцепления отдельных звеньев и отрезков того или иного микронабора¹⁰ непосредственно влияет на возможности и результаты его отражения (не все звенья данного лексико-семантического ряда в данный период его существования обязательно реально отражаются, хотя именно наличие таких «неотраженных» звеньев является необходимым, непременным усло-

⁷ См.: P. H a r t m a n n, Einige interessante Züge in natürlicher Sprachvorkommen, «Studium generale», 19, 7, 1966.

⁸ См.: М. М. Маковский, Теория лексической аттракции, ВЯ, 1965, 6; G. L e r c h n e r, Studien zum nordwestgermanischen Wortschatz, Halle (Saale), 1965; W. M a r t i n, R. E e c k h o o t, Evolutie van de woordenschat in het huidige Nederlands, «Revue des langues vivantes», 35, 1, Bruxelles, 1969. Об изменении языка во времени см.: В. М. Жирмунский, О синхронии и диахронии в языкознании, ВЯ, 1958, 5; А. Т о в а r, Die Sprache in der Zeit, «Deutsche Veierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte», 1, Stuttgart, 1969.

⁹ См.: Э. А. Макаев, Понятие давления системы и иерархия языковых единиц, ВЯ, 1962, 5; H. M a r c u s, Linguistische Metamorphosen und ihre ontologische Verwurzelung, «Congresso internazionale di filosofia (Atti)», 5, Firenze, 1960.

¹⁰ См.: J. A u b e r, De la motivation en linguistique, «Bullétin de Madagascar», X, 169, 1960; М. М. Маковский, Валентные отношения в лексике, «Ин. яз. в шк.», 1968, 6; G. B o u r q u i n, Niveaux, aspects et registres de langage, «Linguistics», 13, 1965; N. S a r a m a n d u n, B. W e c h s l e r, Sistem, subsistem, microsystem, «Limba romană», XV, 1966.

вием отражения и реакцией на отражение других частей набора), и наоборот, возможность и характер сил отражения в данном микроряду определяют наличие в нем тех или иных окружений, определяют его строение.

В случае, если «образ» отражаемого континуума в другом наборе по своему составу и протяженности совпадает с отраженным, мы будем называть его гомоморфным; если же отражаемый и отраженный континуумы не совпадают по своему составу и протяженности, они будут называться гетероморфными. Гомоморфность и гетероморфность сами по себе являются внешними характеристиками лексико-семантических рядов, ничего не говорящими о релевантности соответствующих континуумов в том или ином наборе. Если отраженные континуумы в другом наборе подчиняются тем же правилам сцепления (*Verknüpfungsregeln*), что и в исходном, они будут называться сильными изоморфными (взаимоотображаемыми)¹¹ отражениями; если же отражения подчиняются правилам сцепления конечного ряда, они будут называться слабыми изоморфными (взаимонеотображаемыми) образами. Изоморфность, в отличие от гомоморфности и гетероморфности, предполагает обязательную эквивалентную мену ценностями между несколькими однородными или неоднородными языковыми средами, обязательное функциональное преломление отрезка одного окружения в другом окружении. В случае сильного изоморфизма функциональное место отражения в конечном наборе непременно соответствует его месту в исходном (хотя внешне они могут и не совпадать; соответственно отражение, место которого в конечном наборе не совпадает функционально с его местом в исходном ряду, будет слабым изоморфизмом. Понятно, что гомоморфные отражения могут быть как изоморфными, так и неизоморфными. В то же время, изоморфные микроряды всегда функционально идентичны в соответствующих лексико-семантических континуумах независимо от того, гомоморфны (resp. гетероморфны) они или нет. Следует различать, с одной стороны, отражения, при которых определенные отрезки лексико-семантического континуума в конечном наборе подвергаются тем или иным преобразованиям, перегруппировкам или заменам под влиянием какого-либо отрезка исходного набора, и с другой стороны, отражения, при которых в конечный лексико-семантический ряд как бы вклинивается определенный цельный отрезок (фильтр) из отражающего континуума (в пределах набора возможно существование более слабых и более сильных фильтров). В случае, если в конечном ряду изоморфно отражаются все «менее сильные» отрезки исходного ряда, иерархически связанные с «более сильным» окружением, подвергаемым экстраполяции, мы будем говорить о полном отражении; в случае же, если имеет место отражение лишь части таких «менее сильных» окружений, перед нами не полное отражение¹².

¹¹ В отличие от понятия изоморфизма, подразумевающего параллелизм, однотипность конститутивных элементов различных уровней языка (наиболее адекватное определение изоморфизма в этом плане и исследование его особенностей дано Э. А. Макаевым) или однотипность единиц плана выражения и единиц морфологического (а не абстрактного семантического) плана содержания (Е. Курплович), в настоящей работе рассматривается изоморфизм отдельных структур в пределах одного и того же лексико-семантического уровня (при этом мы, конечно, учитываем несомненный факт тесной связи всех уровней в системе языка). См.: Э. А. Макаев, К вопросу об изоморфизме, ВЯ, 1961, 5; J. Kurylowicz, On the laws of isomorphism, BPTJ, 23, 1965; E. Benveniste, Les niveaux de l'analyse linguistique, «Proceedings of the IX International congress of linguists», The Hague, 1964; C. Bazell, Linguistic form, Istanbul, 1953.

¹² См.: J. Hisanosuke, Les «résidues» dans le langage et dans les recherches linguistiques, «Gengo ken», 42, Tokyo, 1962; M. Cohen, Problèmes de la surabondance dans le langage, «Courier rationaliste», X, 4, 1963.

Неполнота отражения нередко связана с некоторыми особенностями, присущими этому языковому процессу. Дело в том, что отраженный континуум в пределах данной макроструктуры, как правило, больше не отражается, хотя сам и может явиться объектом отражения другого (параллельного) континуума. При этом утрата образа данного континуума в другом окружении никак не влияет на конфигурацию и свойства основного континуума в исходном окружении, а изменение или утрата (полная или частичная) основного континуума не влияет на свойства его образа. Ведь отражения представляют собой своеобразные реакции, а вовсе не корреляции. После прохождения «реакции» отражения, посредством которой отдельные окружения как бы «самоутверждаются», а существование одного континуума как бы «оправдывается» изменениями (или отсутствием изменений) в другом, каждый из этих континуумов продолжает свое самостоятельное независимое существование в рамках соответствующих систем.

Определенный (большой или меньший) отрезок лексико-семантического континуума может пересекаться со своим изоморфом (т. е. с континуумом, совпадающим с результатом соответствующей субституции, если бы она произошла). В этом случае, как и в предыдущем, процесс субституции не происходит и соответственно становится невозможным отражение того или иного отрезка. Оба процесса ведут как к неполноте отражения того или иного континуума, так и к избыточности его протяженности.

Вполне понятно, что силы отражения могут действовать как в н у т р и того или иного ряда, так и в пределах р а з л и ч н ы х сосуществующих лексико-семантических наборов в синхронии и в диахронии. При этом вполне возможны, с одной стороны, одновременные отражения от различных микронаборов, проецируемые на один и тот же набор, а с другой стороны, одновременные отражения отдельных частей одного и того же лексико-семантического набора, проецируемые в различные синхронно существующие лексико-семантические наборы. Таким образом, под отражением не следует обязательно понимать возникновение в каком-либо наборе (или в определенной части одного и того же набора) отрезка лексико-семантической цепи, точно соответствующего по своему составу аналогичному отрезку в другом наборе (хотя такой случай и возможен). Скорее это процесс обязательного взаимного преломления определенной части одного ряда в специфической среде другого, обуславливающий возникновение в этих рядах определенных взаимно уравнивающих друг друга сил сцепления, которые цементируют функционально идентичные (сходные или несходные по форме и по протяженности) или неидентичные соответствия отражаемых лексико-семантических континуумов. Именно такое понимание отражения в языке позволяет объяснить тот факт, что неотраженные и, следовательно, не представленные в ряду звенья могут быть для него релевантными, тогда как некоторые отраженные (но избыточные в данном наборе) звенья могут быть для него нерелевантными. Таким образом, в процессе отражения в языке происходит своеобразное «самоутверждение» отдельных более или менее крупных лексико-семантических группировок: между отдельными микросистемами, синхронно входящими в язык, как бы «перекидываются мосты», а между отдельными частями самих этих рядов как бы устанавливается система координат, образуя единую и цельную языковую структуру. Только отражаемые звенья системы (или звенья, воспринимающие отражения) являются с и л ь н ы м и, способными к дальнейшей жизни в языке и воздействию на его развитие, в отличие от отрезков неотражаемых (т. е. возникших в результате нейтрализации или избыточности), с л а б ы х, пассивных звеньев, зависимых от сильных участков цепи, нередко избыточных. Из

сказанного становится понятным, что в реальной языковой действительности имеют место не единичные акты отражения, а взаимодействие одновременно вступающих в реакцию потоков отражения в пределах отдельных рядов и между рядами: континуумы, отраженные на ту или иную плоскость лексико-семантической системы под влиянием окружения этой последней (или в результате нескольких отражений, одновременно направленных на одну и ту же плоскость) сами в свою очередь могут отражаться на исходный микроряд, обуславливая в нем глубокие изменения и перемещения, нейтрализуя ряд отражений и вызывая к жизни новые.

Сформулируем некоторые наиболее важные закономерности отражения лексико-семантических групп.

1. Если при прочих равных условиях определенный ряд соседних континуумов, входящих в один и тот же микронабор, в другом микронаборе ни с чем не пересекается, то в этом конечном наборе он отражается в виде пересечения (интерференции) тех же континуумов¹³; в то же время, попарное пересечение континуумов исходного и конечного наборов отражается в конечном континууме в виде фильтра (т. е. в виде только одного из нескольких отрезков или в виде части цельного континуума) первого набора, соседнего с тем отрезком второго набора, с которым происходит пересечение. Наоборот: фильтр одного набора в другом наборе может быть отражен в виде первоначальной совокупности континуумов, из которых он возник (принцип субституции)¹⁴. Это последнее правило вполне объясняет явление регенерации, т. е. повторного появления в языке лексических элементов, ранее вышедших из языковой сетки (ср. работы Куберга, Мюллера, Бехагеля)¹⁵. Отметим, что субституция может осуществляться только между континуумами, имеющими одинаковые константы.

2. Непересекающиеся континуумы при вертикальном отражении становятся слабыми изоморфами в конечном наборе, а пересекающиеся континуумы — сильными изоморфами.

Учет правил отражения открывает возможность выйти за рамки изучения закономерных рефлексов только на уровне фонетических (resp. фонологических) реалей и устанавливать такие же соответствия между отдельными лексико-семантическими микросистемами (или элементами) родственных языков (в синхронии и в диахронии) или в пределах одного языка (в диахронии)¹⁶. Сравнение известных схождения и расхож-

¹³ На уровне лексем эту закономерность можно иллюстрировать так называемым телескопическим словообразованием, весьма распространенным в современном английском языке (ср. *lunch* < *lump* + *munch*; *brunch* < *breakfast* + *lunch*; *motel* < *mo-tor* + *hotel*).

¹⁴ См.: M. M. M a n e a, *Sistematica substitutelor din romană contemporană* standard, București, 1968; M. L. S a m u e l s, *The role of functional selection in the history of English*, «Transactions of the Philological Society, 1965», Oxford, 1966. Отражения в определенном смысле можно считать универсалиями, которые Р. И. Ааронс определяет как «естественные рекурренты» и как способы группировки и классификации (см.: R. I. A a r o n s, *The theory of universals*, Oxford, 1967). С другой стороны, процесс отображения отрезка одного набора в плоскость другого набора в известной степени можно сопоставить с переходом «types» в «tokens» (см.: G. H e r d a n, *Type-token mathematics*, The Hague, 1960, стр. 229).

¹⁵ При регенерации воссоздается и тот набор второго окружения, с которым смежен фильтр. Ср.: I. I o r d a n, *Individual and collective innovations*, «Revue de linguistique», 1, 1963.

¹⁶ См.: В. М. Ж и р м у н с к и й, Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков, М. — Л., 1964; W. A l l e n, *Relationship in comparative linguistics*, «Transactions of the Philological Society», Oxford, 1953; R. K a t i c h é, *Modelbe-griffe in der vergleichenden Sprachwissenschaft*, «Kratylos», XI, 1—2, 1966; сб. «The con-

дений в родственных языках (в частности, рассмотрение готско-скандинавской, алемано-скандинавской, англо-фризской лексико-семантической «общности») ¹⁷ может служить не только хорошей иллюстрацией этих закономерностей, но и их объяснением.

Интересно сопоставить, например, развитие лексики в германской языковой области. «Южнонемецкий» лексико-семантический набор в северных немецких диалектах отражается как слабый изоморфизм (т. е. не встречается в цельном виде, а только в виде смешения указанного набора с другим южнонемецким набором, не сохранившимся в первоначальном ряду): в целом ряде случаев в севернонемецком находим слова, исторически не входящие ни в один набор этого ареала, хотя они и не представлены в южнонемецком (т. е. это слабый изоморфизм), а это в свою очередь не дает возможности дальнейшего отражения этого набора. Подобная же интерференция происходит и при отражении севернонемецкого лексико-семантического набора в южнонемецких диалектах. Напротив, английский набор на всех этапах его развития является сильным изоморфизмом, способным к цельному отражению, хотя отдельные части этого набора, в зависимости от конкретного состава макроструктуры, в которую он входит, могут не отражаться или подвергаться различным побочным процессам (ср. южнонемецкий лексико-семантический набор, структурно соответствующий английскому). Ср., например, следующий фильтр в южнонемецких диалектах: швейц. *Anke*ⁿ (др.-в.-нем. *ancho*, ср.-в.-нем. *anke*, лат. *unguen*, санскр. *anj*, откуда *ágya* «flüssige Butter zum Opfer»); швейц. *Vollen* «das gemähte Gras, bevor es ausgebreitet ist» (др.-англ. *filetha*), швейц. *Nuelen* «Vertiefung» (ср. др.-англ. *niolnise*); швейц. *Toll* (ср. др.-англ. *deal*) «geputzt, zierlich, prächtig»; швейц. *Menni* «Gespann» (ср. др.-англ. *meoning: fascella*); швейц.-австр. *Bartl* «передник» (ср. др.-англ. *brat*); швейц. *Chopfen* «ein Art Sticken» (ср. др.-англ. *caefian* «вышивать»); швейц. *Reiti* «наволочка» (ср. др.-англ. *hreoðan*); швейц. *serten* «plagen, hauen» (ср. др.-англ. *serðan*); швейц. *susen* «schmerzen» (ср. др.-англ. *susel*); швейц. *Schwetti* (ср. др.-англ. *sweota*) «толпа, скопление». В пределах севернонемецкой области можно указать на следующий фильтр: н.-нем. *Bure* «наволочка» (ср. совр. сев.-англ. диалектн. *bere*); н.-нем. *Arf*, *Ar(nt)* «zungenförmiger Fortsatz an den Sensenklänge»; н.-нем. *Kulk*, *Kolk* «Vertiefung» (ср. др.-англ. *colc*, совр. сев.-англ. диалектн. *colk*); н.-нем. *Padde* «Kröte» (ср. др.-англ. *pad*, совр. сев.-англ. *paddy*); н.-нем. *Wand(ger)* «крот» (ср. др.-англ. *wand*, совр. сев.-англ. диалектн. *want*); н.-нем. *fies* «Ekel erregend, heikel» (ср. PBB, 80, 3, 1958); н.-нем. *Emel* «Querholz» (ср. др.-англ. *am*); н.-нем. *Flise* «kleine Stübchen in Mühlen»; н.-нем. *Bomst* «Fell» и др.

Интенсивные процессы отражения происходят также при образовании национальных языков на базе местных диалектов или при формировании разного рода социальных языковых вариантов. Здесь характерно как сохранение целых фильтров (т. е. пересечение рядов), так и интерференция, смешение нескольких континуумов ¹⁸.

cept and role of the model in mathematics and natural and social sciences», ed. by H. Freudental, Dordrecht, 1961.

¹⁷ См.: М. М. Маковский, «География слов» и лексические связи германских языков и диалектов, ВЯ, 1968, 3.

¹⁸ См.: В. М. Жирмунский, Национальный язык и социальные диалекты, Л., 1936; е го же, Проблемы социальной диалектографии, ИАН ОЛЯ, 1964, 2; М. М. Гухман, Становление литературной нормы немецкого национального языка, «Труды Ин-та языкознания. [АН СССР]», X, 1960; е е же, О соотношении немецкого литературного языка и диалектов, ВЯ, 1956, 1; е е же, От языка немецкой народности к немецкому национальному языку, М., I — 1955, II — 1959.

Континуум, подчиняющий себе все остальные отрезки в том или ином наборе (сильный континуум) при пересечении с некоторым континуумом во втором наборе отражается в этом последнем в виде того континуума, с которым он пересекается в этом ряду. Если же сильный континуум одного ряда не пересекается ни с каким отрезком второго ряда, он отражается в конечном ряду в виде нулевого набора. С другой стороны, нулевой набор одного ряда в другом ряду может отразиться в виде сильного континуума того же ряда. При пересечении отрезка одного ряда с нулевым континуумом другого ряда во втором (конечном) ряду остается нулевой континуум.

Возможности отражения и их диапазон (т. е. возникновение целой цепочки отражений, происходящих последовательно от одного из сосуществующих континуумов к другому по мере возникновения), а также протяженность участков микроряда, подвергающихся отражению (т. е. отражение одновременно одного, двух и более микрорядов) находится в прямой зависимости от их валентности и иерархии этих участков в пределах микроряда¹⁹.

При отражении какого-либо континуума в исходном наборе одновременно должны отражаться и все иерархически связанные с ним континуумы; соответственно и в конечном наборе субституции подвергается не только тот или иной отрезок лексико-семантической ткани, но и все иерархически связанные с ним отрезки. Таким образом, налицо экстраполяция, на основе которой можно видеть, чему соответствует тот или иной отрезок данного, определенным образом структурированного набора в сосуществующем наборе, имеющем другую структуру.

Отличительной особенностью сильного изоморфизма является то, что реакция субституции в конечном ряду сопровождается качественными и количественными преобразованиями не только отрезка набора, участвовавшего в реакции, но и всех остальных звеньев этого набора в соответствии с валентным статусом конечного изоморфа. При слабом же изоморфизме таких изменений в конечном наборе обычно не наблюдается.

3. В рамках е д и н о г о н а б о р а наблюдаются закономерности отражения, отличные от тех, которые характерны для взаимоотношения параллельно сосуществующих континуумов. Непересекающиеся (в том числе соседние) звенья набора отражаются в пределах того же набора в виде иерархически наисильнейшего из них, а пересекающиеся звенья отражаются в виде иерархически наислабейшего (при дальнейшем развитии набора такой слабый отрезок может, конечно, превратиться в сильный). Это значит, что отрезки, пересекающиеся в пределах единого лексико-семантического ряда (по горизонтали), не могут пересекаться с лексико-семантическими континуумами сосуществующего набора (по вертикали), т. е. являются слабыми; отрезки же, которые не пересекаются в пределах единого ряда, могут пересекаться с отрезками параллельных континуумов, т. е. являются сильными. Другими словами, всякий фильтр одного набора в другом (параллельном) ряду представляет собой совокупность наисильнейших отрезков исходного и конечного наборов; любая же интерференция элементов конечного множества включает в себя наислабейшие элементы обоих этих множеств. Таким образом определяется круг

¹⁹ См.: М. М. М а к о в с к и й, Валентные отношения в лексике, стр. 25; G. H i l t y, Das Wertproblem in der Sprachwissenschaft, «Vox romanica», 24, 1, 1965; Ср.: O. W o j t a s i e w i c z, Towards a general theory of sign systems, Kraków, 1962; H. K a r l g r e n, Positional models and empty positions, сб. «Structures and quanta», Stockholm, 1963; R. M c I n t o s h, Patterns and ranges, «Language», XXXVII, 1961; T. O k i t s u, A study of «situation», «Studies in English grammar and linguistics», Tokyo, 1958; A. B u r g e r, Essai d'analyse d'un système de valeurs, CFS, 19, 1962.

тех случаев, в которых лексико-семантические континуумы могут и должны отражаться как в пределах одного ряда, так и в рамках нескольких сосуществующих рядов. Отметим, что реакции отражения как на внутри-системном, так и на межсистемном уровне предполагают обязательное наличие более сильных и более слабых звеньев; при этом реакция пересечения в обоих случаях происходит только между элементами, уже подвергшимися реакции отражения без пересечения (т. е. превращению в наисильнейшее звено набора — на уровне одной системы или интерференций — на уровне нескольких систем). Сначала реакция происходит в пределах одного ряда и лишь затем между отрезками сосуществующих наборов. Естественно, что взаимодействие при отражении происходит только между отрезками, одинаково развернутыми на оси отражения.

Ясно, что при любой реакции внутри набора одно из окружений, вступающих в реакцию, нейтрализуется или выходит из ряда (при всякой реакции отражения внутри ряда происходит обязательное удвоение, дублирование одинаковых, наисильнейших или наислабейших, окружений, так как отраженный отрезок при реакции не выходит из ряда, причем эти окружения затем нейтрализуются). Однако такое нейтрализуемое окружение может в том или ином виде отражаться в параллельном ряду, поскольку, как мы уже говорили, при межсистемном отражении обычно отражаются все подгруппы, иерархически связанные с данным сильным отражаемым отрезком. Если же какой-нибудь отрезок, отразившись из одного набора на другой, в силу условий окружения этого последнего, отражается обратно в плоскость исходного набора, то новое отражение становится равносильным первоначально отраженному отрезку, так что при следующем отражении этого нового континуума равносильный ему отрезок выходит из исходного ряда.

Таким образом, закономерность (3) предполагает, с одной стороны, уменьшение инвентаря лексем в каком-либо ряду, но одновременно увеличение протяженности параллельного ряда; с другой стороны, определенные (сильные) отрезки первого ряда могут и должны воспроизводиться во втором, а определенные (слабые) отрезки первого ряда во втором ряду не воспроизводятся²⁰.

4. При изоморфном отражении в пределах одного или нескольких рядов (т. е. при отражении рядов, имеющих одинаковые константы) образуются только взаимозаменяемые отрезки²¹. Сами взаимодействующие ряды при этом могут внешне (количественно и качественно) не совпадать друг с другом, но они имеют одинаковую структурацию, позволяющую тому или иному элементу (или отрезку) одного набора однозначно отразиться в другом наборе, заняв в этом втором наборе место, структурно равносильное тому (или сводимое к тому), которое они занимали в первом наборе. В случае же, когда мы имеем дело с интерференцией элементов или отрезков различных сред, структурная валентность отраженного отрезка не совпадает со структурной валентностью соответствующего отражаемого континуума и не эквивалентна ему, т. е. статус отраженного отрезка качественно и количественно иной по сравнению с исходным, вследствие чего возникают образования, а л л о м о р ф н ы е по отношению к отражаемым. Можно указать на следующие свойства таких континуумов:

²⁰ Подобные процессы хорошо изучены в различных языках. См., например, K. J a e s c h k e, Beiträge zur Frage des Wortschwundes im Englischen, Breslau, 1931.

²¹ См.: M. E. O l d s, Synonymity: extensional isomorphism, «Mind», 65, 1956. Некоторые лингвисты приравнивают изоморфизм к экстраполяции, считая два элемента изоморфными в том случае, когда они обладают общими структурными свойствами, так что по признакам одного можно определить свойства другого (см.: Y e n R e n C h a o, Language and symbolic systems, Cambridge, 1968).

а) гомогенные структуры (т. е. возникшие в результате однородных реакций) при пересечении между собой дают гетерогенные (т. е. возникшие в результате разнородных реакций), а пересечения гетерогенных структур ведет к образованию гомогенных. Отсюда:

б) пересечение изоморфов (как отдельных лексико-семантических элементов, так и континуумов) дает алломорфы, а пересечение алломорфов дает изоморфы по отношению к исходным лексико-семантическим элементам (или отрезкам).

В отличие от реакций однородных отрезков, рассмотренных выше (1,2), при взаимодействии разнородных сред реакция затрагивает как исходный, так и конечный наборы, причем единственно возможной реакцией является пересечение, проходящее по правилу (1). Такая реакция предполагает не только изменение протяженности рядов, как в случаях (1) и (2), но и качественное изменение отдельных его компонентов (смещение значения, метатеза, редупликация, потенцирование отдельных элементов или отрезков лексико-семантической цепи и т. д.)²²; при этом наблюдается определенная асимметрия между семантической и лексемной структуризацией одного и того же набора. В частности, пересечение изоморфных лексемных рядов ведет к образованию алломорфов либо на семантическом (но не на лексемном) уровне, либо на лексемном, но не на семантическом²³. Ср., например, следующие ряды, изоморфные в лексемном, но алломорфные в семантическом плане: чеш. *zápas* «борьба, бой» (русс. *запас*); чеш. *vor* «плот» (русс. *вор*); чеш. *klička* «петля, ловушка» (русс. *ключка*); чеш. *strana* «партия» (русс. *страна*); чеш. *chvatati* «спешить» (русс. *хватать*); чеш. *nahraditi* «заменять» (русс. *наградить*).

Понятно, что и реакция пересечения алломорфов протекает лишь либо в семантической, либо в лексемной проекции. Одним из интересных результатов реакции алломорфных структур на лексемном уровне является, как мы уже отмечали, редупликация, протекающая обычно без изменений на семантическом уровне соответствующих лексических единиц²⁴ (например: англ. *lukewarm* < ср.-англ. *lewke*, *luke*, н.-нем. *luk*, нидерл. *leuk* + *warm*). Удвоение отмечается и на семантическом уровне (соответствие одной лексеме нескольких семем при неизменности данного лексемного ряда; энантиосемия)²⁵. Удваиваться могут несколько изоморфных или несколько алломорфных структур.

Интересно, что один и тот же элемент, в зависимости от происшедших реакций, в одной микросистеме одного и того же языка представлен с удвоением, а в другой микросистеме — без удвоения (ср. англ. *sleuth-hound*, но одновременно в языке употребляется и *sleuth* и *hound*; др.-англ. *hwy-orf* (*hwy* + *orf*), ср. нем. *Kuh* + нем. диал. *Raup*; англ. *conger-eel*; англ. диал. *aize-pole*; англ. *spruce-fir*, но одновременно *spruce* и *fir*; *galley-proof*, но одновременно *galley* и *proof*; *pen-swan*, но одновременно *pen* и *swan* «ле-

²² См.: E. Koschmieder, *Heteromorphe Zuordnung von Zeichen und Funktion in der Sprache*, сб. «Logik und Logikkalkül», Freiburg — München, 1962; W. F. Twaddell, *Uses and abuses of symmetry*, «Texas conference on linguistic analysis in English», Austin, 1958, Austin, 1962.

²³ См.: М. М. Маковский, Опыт типологической характеристики лексико-семантических систем, ВЯ, 1969, 3, стр. 29—30.

²⁴ См.: В. М. Жирмунский, Потенцированные формы в немецких диалектах, ВЯ, 1958, 6; B. Christiani, *Zwillingverbindungen in der altenglischen Dichtung*, Würzburg, 1938; P. Aalto, *Word-pairs in Tokharian and other languages*, «Linguistics», 5, 1964; I. Koskeniemi, *Repetitive word-pairs in Old and Early Middle English prose*, Turku, 1968.

²⁵ См.: Н. И. Толстой, Из опытов типологического исследования славянского словарного состава, I — ВЯ, 1963, 1; II — ВЯ, 1966, 5; егo же, Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии, сб. «Славянское языкознание», М., 1968; A.-J. Greimas, *Sémantique structurale*, Paris, 1966.

бедь»). Указанная асимметрия, видимо, означает, что в языке постоянно существуют и взаимодействуют вариантные и инвариантные среды ²⁶.

Дело в том, что в пределах языка не только элементы, но и отдельные окружения развиваются неравномерно: изменение какого-либо окружения предполагает наличие ряда инвариантных отрезков языковой ткани; в свою очередь инвариантность тех или иных континуумов возможна только при условии подвижности других сосуществующих рядов. При взаимодействии вариантных и инвариантных сред имеют место следующие закономерности: пересечение *р а з л и ч н ы х* (вариантной и инвариантной) сред дает соответственно одинаковую (вариантную или инвариантную) среду в каждом из взаимодействующих отрезков; пересечение же *о д и н а к о в ы х* (в обоих случаях или только инвариантных или только вариантных сред) дает различную (противоположную) среду в каждом из этих континуумов. Необходимо отметить известное противоречие между результатами взаимодействия различных (вариантных и инвариантных) сред и возможностями их реактивности, с одной стороны, и их изоморфностью или алломорфностью, с другой. Такое противоречие является, однако, необходимым условием жизнеспособности и единства языковой ткани: «отключение» слабых участков неизбежно ведет к «подключению» сильных при одновременном сохранении неравноценности сосуществующих языковых элементов.

III. Мы рассмотрели некоторые аспекты одного из важнейших языковых процессов — процесса экстраполяции на лексико-семантическом уровне. Приведенные закономерности и правила в определенной мере отражают чрезвычайную сложность и многослойность отношений, переходов и связей не только в пределах различных уровней языка, но и в рамках одного и того же лексико-семантического уровня, существование и функционирование которого определяется переплетением различных иерархически неравноценных лексико-семантических регистров и комплексов, обладающих неодинаковой способностью к взаимной интерференции и пересечению ²⁷. Учет закономерностей экстраполяции дает возможность по-новому подойти к *п р о б л е м е л и н г в и с т и ч е с к о г о в р е м е н и* ²⁸. Вполне понятно, что время само по себе вовсе не обязательно является фактором изменения языка: известны многочисленные примеры, когда языки в течение столетий и даже тысячелетий почти не испытывали изменений (ср. китайский язык). С другой стороны, развитие и изменение, естественно, происходят во времени (вернее, в определенной точке времени). Эволюция в языке, происходящая под влиянием внешних и внутренних импульсов, сводится по сути дела к возникновению равносильных (функционально и структурно эквивалентных) и неравносильных отражений, к значимому изменению конфигурации лексико-семантических, грамматических и фонетических наборов. Вопреки существующему мнению, необходимо отметить, что не всякое явление синхронии представляет собой отражение диахронического процесса и не всякое явление диахронии обязательно отражается в синхронии. Если явление существует в языке более или менее длительное время, то это вовсе не означает, что мы имеем дело непременно с фактом синхронии; если же явление внешне отличается от предшествующего языкового состояния, то это в свою очередь никак не говорит о том, что перед нами факт диахронии. Не всякое изменение в языке проявляется внешне и не всякое внешнее изменение

²⁶ См.: W. M. Esser, *Statische und dynamische Elemente in der sprachlichen Unterweisung*, «Wirkendes Wort», 12, 1, 1962.

²⁷ См.: Т. К у б и њ с к и, *On the structurality of rules of inference*, Wrocław, 1965.

²⁸ Ср. Ю. Н. К а р а у л о в, *Языковое время и языковое пространство*, «Вестник МГУ», 1, 1970; А. Т о в а р, указ. соч.; А. Ј а с о б, *Temps et langage*, Paris, 1967.

в языке можно признать структурным. «Новым периодом» в развитии языка в какой-то мере можно считать лишь случаи, когда возникают структуры, неравносильные предшествующим, хотя и в этом случае такое понимание является чисто условным не только потому, что указанные изменения нередко не имеют никакого отношения к диахронии, но и потому, что они, как правило, охватывают лишь часть структур или уровней, составляющих тот или иной язык. Вполне понятно, что сравнение языковых памятников не должно ограничиваться какой-то временной цезурой, не позволяющей, например, сопоставлять язык памятников IV в. с языком памятников XVI в.: дело не во временной принадлежности сравниваемых памятников, а в том, равносильны или нет (и в какой мере) сопоставляемые структуры языка.

Процесс отражения (экстраполяции) был рассмотрен нами в трех планах: 1) между отрезками нескольких сосуществующих лексико-семантических континуумов, реакция между которыми дает изоморфные единицы, хотя до отображения рассматриваемые единицы не были изоморфными; 2) между отрезками одного и того же лексико-семантического ряда, реакции между которыми являются основной предпосылкой возможности межсистемных отражений, и, наконец, 3) между одинаково структурированными (изоморфными) или различно структурированными (алломорфными) континуумами.

Рассмотрение результатов и свойств всех этих процессов дает возможность с большой степенью достоверности выявить лексико-семантические рефлексы в различных временных и территориальных плоскостях языкового развития. Именно учет указанных рефлексов и их закономерностей позволяет экстраполировать и предсказывать возможное направление развития данной лексико-семантической системы в диахронии, вероятность и характер ее отражения на другие микроряды²⁹. Изучение таких рефлексов открывает широкую перспективу для сравнительно-исторического изучения и внутренней реконструкции различных лексико-семантических систем как в рамках одного языка, так и в пределах нескольких родственных языков. Отсутствие (наличие) определенных (больших или меньших по протяженности и составу) комплексов, в свете приведенных правил, оправдано лишь в случае наличия (или отсутствия) других комплексов или сопряжено с теми или иными семантическими сдвигами. Это становится особенно очевидным при сопоставлении судьбы лексико-семантических континуумов с одинаковой структуриацией в разных родственных языках или диалектах. Вскрывая различные и сходные пути структурирования языковой ткани, анализ рефлексов открывает возможность выявления степени близости словарного состава территориально разобщенных родственных языков и диалектов не на основе чисто внешних синхронных (нередко случайных) факторов, а на базе строгих структурно-исторических закономерностей. Именно такой анализ позволяет приблизиться к пониманию общих и частных тенденций развития языка, что в свою очередь ведет к объективной оценке статуса и движения лексико-семантических заимствований, к определению исконного или заимствованного характера тех или иных слов. Тем самым лингвистический анализ превращается в надежный инструмент проникновения в сущность лексико-семантической структуры, позволяет изучать закономерности и взаимодействие языковых континуумов, не полагаясь на внешние показатели, нередко обусловленные «игрой случая» и не имеющие отношения к истинной природе лексико-семантической сетки.

²⁹ См.: O. Höfler, Über die Vorbestimmtheit sprachlicher Entwicklungen, Wien, 1958; V. Tauli, Introduction to a theory of language planning, Uppsala, 1968.